Безспорно, новый порядокъ долженъ быть подготовленъ старымъ. Новая экономическая организація должна быть подготовлена предыдущимъ экономическимъ развитіемъ. Но это условіе уже налицо для соціалистической организаціи во всѣхъ капиталистическихъ обществахъ, на какой бы стадіи развитія они ни находились. Это условіе налицо въ Америкѣ, въ Англіи, въ Германіи, въ Россіи—въ этомъ отношеніи всѣ эти страны подготовлены къ соціалистическому строю. Всѣ онѣ содержатъ элементы новаго соціалистическаго общества, такъ какъ во всѣхъ налицо два условія, необходимыя для его осуществленія: 1) объединеніе рабочихъ на большихъ фабрикахъ и заводахъ, что дѣлаетъ возможной и неизбѣжной производительную ассоціацію, и 2) зависимость каждой фабрики, каждаго отдѣльнаго производства, каждаго отдѣльнаго хозяйства отъ общихъ условій рынка, что дѣлаетъ возможной и неизбѣжной организацію производства для единой цѣли.

Этихъ условій не было, напр., въ средневѣковомъ экономическомъ режимѣ безчисленныхъ индивидуальныхъ хозяйствъ, тысячъ самодовлѣющихъ, обособленныхъ, замкнутыхъ хозяйственныхъ мірковъ. Ихъ должна была создать буржуазная организація (точнѣе, буржуазная дезорганизація) общества, и она ихъ создала: теперь они вездѣ налицо. А „больше“ или „меньше“, „дальше“ или „ближе“,—словомъ, степень развитія этихъ элементовъ—не имѣетъ существеннаго значенія; по крайней мѣрѣ, нѣтъ никакого основанія придавать ей существенное значеніе. Разъ элементы новаго общества налицо,—оно можетъ организоваться; а разъ организовавшись, оно, въ силу своего внутренняго превосходства, ассимилируетъ остатки стараго.

Да вѣдь и буржуазный строй не разомъ смѣнилъ натуральное хозяйство, а зародился и организовался въ его нѣдрахъ.

Итакъ, экономическія условія въ достаточной мѣрѣ подготовили организацію новаго, соціалистическаго общества; но этого мало.

Идея новаго общества, планъ его организаціи въ общихъ чертахъ должны выясниться, прежде чѣмъ эта организація станетъ осуществимой. Въ началѣ XIX столѣтія элементы новаго общества уже существовали, но планъ его былъ совершенно неясенъ, и потому всякая попытка къ его осуществленію должна была кончиться неудачей, такъ какъ если даже „идеи являются только посредниками въ дѣлѣ общественнаго прогресса“ (Каутскій), то посредники-то эти безусловно необходимы для того, чтобы общественный прогрессъ могъ осуществиться.

Но утопическій соціализмъ давно уже смѣнился научной критикой капиталистическаго строя, которая разъяснила механизмъ эксплуатаціи въ современномъ обществѣ и показала, какимъ механизмомъ надо его замѣнить, чтобы эксплуатаціи не было. Вооруженная этимъ знаніемъ, современная революція можетъ итти увѣренно, не тратя времени и силъ на безплодныя попытки и ненужные опыты. И врядъ ли дальнѣйшее развитіе науки принесетъ еще что-нибудь существенное въ этомъ отношеніи. Черезъ сто лѣтъ,—если въ теченіе этого времени не совершится соціальная революція,—мы будемъ столько же знать объ организаціи новаго, соціалистическаго общества, сколько знаемъ теперь. Дѣло въ томъ, что детальная техническая разработка плана новаго общества, сообразно экономическому состоянію данной страны, возможна только въ самый моментъ революціи. Разработка этого плана въ отношеніи Россіи была бы очень полезна теперь, въ виду очевидной близости рѣшительнаго момента; но допустимъ, какъ и думаютъ нѣкоторые, что у насъ не великая революція, а только легкое, преходящее броженіе, и что, слѣдовательно, соціальный переворотъ откладывается на Богъ вѣсть какой дальній срокъ,—въ такомъ случаѣ нынѣ составленный планъ потеряетъ всякое значеніе, и въ моментъ наступленія соціальной революціи придется составлять совершенно новый. Заблаговременно планъ новаго общества можетъ быть составленъ и ходъ преобразованія намѣченъ только въ общихъ чертахъ: могутъ быть указаны лишь принципы новаго устройства,—но это уже сдѣлано, а стало быть, и въ этомъ отношеніи соціальная революція достаточно подготовлена.

Но и этого мало. Объективныя, экономическія условія могутъ быть готовы для наступленія новаго строя, планъ новаго строя можетъ быть ясенъ, и все-таки онъ не наступитъ, если нѣтъ третьяго условія,—субъективнаго момента, того особеннаго психическаго состоянія націи, которое выражается революціоннымъ энтузіазмомъ, рѣшимостью покончить съ прежнимъ существованіемъ, чего бы это ни стоило, и начать новую жизнь.

Мы не знаемъ, какія причины обусловливаютъ наступленіе этого субъективнаго момента. Мы не знаемъ, почему великая французская революція совершилась между 1789 и 1794 г., или великая англійская революція между 1642 и 1653 г., а не раньше или не позже. Мы знаемъ только, что такіе моменты наступаютъ крайне рѣдко, далеко не въ каждое столѣтіе, въ исторіи народовъ.

Это третье условіе такъ же необходимо, какъ первыя два. Буржуазное общество—чудовище народныхъ сказокъ, въ которомъ скрывается очарованный принцъ; чтобы разрушить чары и освободить прекраснаго принца—соціалистическое общество,—нужно произнести волшебное слово. Этимъ словомъ, революціоннымъ энтузіазмомъ, доходящимъ до степени религіознаго экстаза, обладаетъ Россія. Въ ней мы находимъ совпаденіе всѣхъ трехъ условій, необходимыхъ для осуществленія соціальнаго переворота, тогда какъ въ западно-европейскихъ странахъ налицо только два: переворотъ подготовленъ экономическими условіями, онъ подготовленъ теоретической работой мысли, но нѣтъ того субъективнаго, психическаго момента, революціоннаго энтузіазма, который есть въ Россіи. И вотъ почему изъ всѣхъ современныхъ странъ только Россія дѣйствительно подготовлена къ соціальной революціи, только она, несмотря на всю свою азіатчину, ужасающую отсталость, Батыевскіе порядки,—несмотря на все это, только она можетъ явиться иниціаторомъ новой эры въ существованіи человѣчества! Можетъ... но это уже есть, это уже налицо: современное движеніе въ Австріи, Германіи, Англіи является отголоскомъ русскихъ событій! Unglaublich, aber wahr: Россія подаетъ сигналъ Западной Европѣ, и западно-европейскія страны повинуются этому сигналу и примыкаютъ къ русскому революціонному движенію... Фактъ налицо; и этотъ фактъ можно присоединить къ тѣмъ признакамъ великой революціи, которые перечислялись выше. Ужъ если движеніе отсталой страны такъ дѣйствуетъ на всѣ передовыя страны, то, видно, это движеніе—дѣйствительно великая революція.

Но этотъ фактъ не такъ удивителенъ, какъ можетъ показаться на первый взглядъ. Развѣ Франція конца XVIII столѣтія не была поразительно отсталой страной по своему политическому режиму, гражданскому устройству, нравамъ и повадкамъ правительства, произволу администраціи, хозяйственному упадку и разоренію... Не говоря уже объ Англіи, прусское «Polizeistaat» того времени было гораздо выше Франціи во всѣхъ перечисленныхъ отношеніяхъ. Тѣмъ не менѣе Франція явилась иниціаторомъ политическаго обновленія Европы, а Пруссія и до сихъ поръ не раздѣлалась съ абсолютизмомъ и феодальными пережитками.

Я считаю необходимымъ сказать еще нѣсколько словъ объ этомъ третьемъ, психическомъ моментѣ: революціонномъ состояніи націи. Теперь, черезъ сто лѣтъ, когда угодно, на какой угодно стадіи развитія капиталистическаго общества,—оно будетъ одинаково необходимо для перехода къ новому строю. Представьмъ себѣ фантастическую картину развившагося до послѣднихъ предѣловъ капиталистическаго строя, которую рисуютъ нѣкоторые соціалисты, какъ необходимую предпосылку «Zusammenbruch»'а. Вся нація состоитъ изъ пролетаріевъ, сгруппированныхъ въ крупныхъ промышленныхъ, торговыхъ и сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ, которые объединены въ одинъ колоссальный синдикатъ, находящійся въ рукахъ одного капиталиста какого-нибудь „сверхъ-Рокфеллера“. Сверхъ-Рокфеллера берутъ за шиворотъ, прячутъ въ карманъ, становятся сами хозяевами дѣла, и все кончено: новое общество готово безъ всякихъ потрясеній, безъ всякаго безпокойства...

Но вѣдь это наивность. Даже при такомъ состояніи общества, которое рисуетъ эта фантазія—новое общество неосуществимо безъ страшнаго потрясенія. Убрать сверхъ-Рокфеллера и объявить промышленныя предпріятія производительными ассоціаціями нетрудно, но это лишь первый шагъ, исходный пунктъ, за которымъ должны тутъ же непосредственно послѣдовать: новая организація обмѣна, то есть, устраненіе торговли, превращеніе товара въ продуктъ потребленія, денегъ въ современномъ смыслѣ слова—„растущихъ“, приносящихъ процентъ—въ простые мѣновые знаки; далѣе, новая организація производства въ цѣляхъ удовлетворенія потребностей населенія, а не полученія барыша, связанная съ уничтоженіемъ цѣлыхъ отраслей производства и хозяйства, и замѣной ихъ новыми; и наконецъ, новая организація потребленія. Вѣдь суть-то новаго общества—уничтоженіе товарнаго хозяйства, что ставитъ всему производству и обмѣну совершенно иную цѣль, чѣмъ нынѣ. А ко всѣмъ этимъ превращеніямъ должны приспособиться формы государственныя и бытовыя.

Такая трансформація неизбѣжно связана съ временнымъ кавардакомъ, разстройствомъ всѣхъ хозяйственныхъ отношеній, и чѣмъ развитѣе будетъ капиталистическій порядокъ,—тѣмъ сильнѣе окажется этотъ кавардакъ. И вотъ, для того, чтобы рѣшиться на это временное разстройство хозяйственныхъ отношеній и претерпѣть связанныя съ нимъ временныя разореніе, нищету и бѣдствія,—нуженъ ни передъ чѣмъ не отступающій и все выносящій, „религіозный“ энтузіазмъ великой революціи.

Онъ нуженъ еще и потому, что буржуазный порядокъ воспитываетъ въ націи буржуазныя чувства и стремленія, идущія въ разрѣзъ съ новымъ строемъ. Часто говорятъ о необходимости воспитать рабочихъ для новаго строя, но именно этого воспитанія буржуазное общество не дастъ. Тутъ не помогаютъ организаціи въ родѣ профессіональныхъ союзовъ, разныхъ коопераціи и т. п., такъ какъ всѣ онѣ, дѣйствуя въ капиталистическомъ обществѣ, неминуемо осуждены работать въ капиталистическомъ духѣ, ставя своей цѣлью неразмѣнный червонецъ. Эта мечта о неразмѣнномъ червонцѣ проникаетъ въ душу пролетарія. А ея то, мечты этой, и не должно быть въ новомъ обществѣ!.. *)

---

*) Я не касаюсь вопроса объ объединеніи пролетаріата всѣхъ странъ въ одну организацію, такъ какъ если соціальная революція будетъ всемірной, то и организація эта осуществится въ теченіе самого процесса революціи. Но я не знаю достаточно серьезныхъ аргументовъ, которые доказывали бы невозможность, неосуществимость соціалистической организаціи въ отдѣльной странѣ, хотя бы другія и не послѣдовали ея примѣру.